

Т.П. Шастина

Горно-Алтайский государственный университет

Горный Алтай в публицистике Н.М. Ядринцева

Аннотация: В статье анализируются очерки и письма Н.М. Ядринцева, написанные на основе путевых впечатлений о Горном Алтае. Контрапункт общественного и природного рассматривается в свете областнических идей (идей сибирского регионализма).

The paper analyzes N.M. Yadrintsev's sketches and letters, which were written on the basis of travel impressions of the Altai Mountains (Gorny Altai). The counterpoint of the social and the natural is considered in the light of the ideas of Siberian regionalism.

Ключевые слова: Ядринцев, публицистика, очерк, письмо, областничество (сибирский регионализм), Горный Алтай.

N. Yadrintsev, publicism, sketch, letter, Siberian regionalism, the Altai Mountains (Gorny Altai).

УДК: 821.161. 1.0-43 (571.151)

Контактная информация: Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1. ГАГУ, филологический факультет. Тел. (388-22) 24038. E-mail: tshliteratura@mail.ru.

Инвариантом постановки проблемы «этнос vs регион» является Алтай и его «инородческое царство» в публицистике Н.М. Ядринцева. Непосредственным толчком к ее разработке было приглашение Ядринцева на службу в управление западно-сибирского генерал-губернатора Н.Г. Казнакова (1876 г.) и первая экспедиция на Алтай¹. Но Алтай задолго до этого уже захватил воображение Ядринцева: так, спрашивая у Г.Н. Потанина, слышал ли тот строки Хомякова «Дик и грозен вид Алтая // Чуден блеск его снегов ...»², Ядринцев заметил: «Тема соблазнительная» [Письма, 1918, с. 79]. Горный Алтай соблазнил-таки Н.М. Ядринцева, о чем свидетельствуют его письма и публикации в столичных и сибирских изданиях, посвященные этой местности, в частности, являющиеся объектом нашего рассмотрения очерки «Сибирская Швейцария», «Странник на Золотом озере», «В дальних странствиях (из путешествия в Алтай)», «На обетованных землях».

Во время первой поездки на Алтай (1878 г.) в горах он провел всего 17 дней, но этого было достаточно, чтобы сказать: «там оставлено мое сердце»³. Первая реакция была эмоциональной, позднее же эти впечатления были осмыслены в контексте областнической программы.

Горный Алтай – территория на юге Томской губернии, населенная инородцами⁴, вплоть до первой четверти XX века пребывала в статусе terra incognita.

¹ Результаты экспедиции принесли исследователю Малую золотую медаль ИРГО в 1878 г.

² Искаженная цитата из стихотворения 1839 г. «Киев». В оригинале: «Дик и страшен верх Алтая // Вечен блеск его снегов: // Там страна моя родная!» [Хомяков, 1868, с. 66].

³ Цит. по: [Лемке, 1904, с. 117].

⁴ Инородческая проблематике в исследованиях Ядринцева на данной территории рассмотрена М.В. Шиловским [Шиловский, 2007, с. 337–362].

Ключом к описанию приемов его репрезентации в очерках может служить «песня» Ядринцева «Я рожден в стране далекой» (известная под названием «Родина»), отправленная Г.Н. Потанину в письме от 22 октября 1872 г. В ней сибирское пространство в целом описывается эпитетами *далекое, холодное, обширное, привольное, пустынное, немое*¹, и в нем выделяется особый тип – горы:

Я из той страны, где горы
Тонут в белых облаках,
И, «извилисты как плети»²
Расползаются в степях
[Письма, 1918, с. 121].

Адресат без восторга отозвался о стихотворении: «Это дифирамб природе, написанный после чтения книг, а не по [личному] впечатлению» [Письма, 1987, с. 132].

Как только представилась возможность, Ядринцев наполнил «дифирамб» яркими картинами диких красот Горного Алтая, восприятие которого было подготовлено и научной традицией описания этой горной страны³; и европейской литературной традицией воспеания горных территорий, прежде всего швейцарских Альп; и «алтайскими» публикациями Г.Н. Потанина⁴.

Цель первой экспедиции Ядринцева в Горный Алтай – изучение колонизационного движения, экономические и этнографические исследования населения горного округа. И официальный отчет об экспедиции, и написанный по ее впечатлениям очерк «Сибирская Швейцария»⁵ выходят в 1880 г. Очерк начинается с объяснения названия: Алтайские горы (речь идет о Колывани) – «привольная местность с прекрасным климатом, которая *может быть вполне названа* (курсив мой – Т.Ш.) Сибирскою Швейцарией» [Ядринцев, 1880, с. 47]. Горы у Ядринцева – это пространства, контрастирующие с равнинами, «массивные, величественные громады», производящие «тревожное и приятное ощущение». Он фиксирует доминирующий цветообраз («синюхи») и фактурность заполнения пространства (камень). Сознание отказывается идентифицировать новую для него картину

¹ В этой поэтической картине доминируют традиционные для Зауралья образы камня (гранит, гора) и холода (снег, мороз). Последние рассмотрены К.В. Анисимовым в системе детерминант сибирского сепаратизма [Анисимов, 2009, с. 98–114].

² Закавыченное сравнение – цитата из фольклора коренных народов Горного Алтая, образцы которого были уже достаточно известны благодаря публикациям В.В. Радлова [Радлов, 1866] и В. Вербицкого [Вербицкий, 1870]. Заметим, что вслед за Ядринцевым и строки об Алтае Хомякова (дословно), и алтайскую метафору «горы – плеть – камча» процитирует Г. Гребенщиков в цикле очерков «Моя Сибирь» [Гребенщиков, 2004, с. 392–393], что будет свидетельствовать о постепенном формировании специфического образного фонда для литературного воображения Горного Алтая, в основе которого оказались стихи А.С. Хомякова.

³ В ИРГО с изучения материалов предшественников принято было начинать подготовку к любой экспедиции.

⁴ Ранние публикации Г.Н. Потанина, посвященные Алтаю: Полгода на Алтае // Русское слово, 1859, №9; Алтай // Иллюстрация, 1860, № 118; Алтай и его обитатели // Московские ведомости, 1860, № 23, 24.

⁵ *Алтайские Альпы и Сибирская Швейцария* служат здесь, на наш взгляд, знаками нарочитого руссоизма. В качестве постановки исследовательской проблемы следует обратить внимание на довольно заметный парадокс – типовым для ранненационалистических доктрин образом природа воспринималась и описывалась как полюс гармонии, в то время как общество оценивалось в перспективе провинциального паразитизма. И истоки сибирской идентичности, как показывает К.А. Анисимов, тоже отыскивались в природной сфере – в области этнических смещений и климата [Анисимов, 2009].

только как природное явление: «Иногда это виды целых разрушенных городов и крепостей, целые поля каких-то немых и фантастических изваяний природы» [Ядринцев, 1880, с. 47]. Это вызывает «припадки романтизма» и культурно-религиозное смещение – очеркист осознает, что в горах возможно только пантеистическое восприятие мира.

Но высокий строй рассуждений прерывается прозаической реальностью: «К сожалению, окружающее было пустынно: *здесь нет* (курсив мой – Т.Ш.) швейцарских шале, беседок, скамеек, памятников, надписей... Алтай отличается от настоящей Швейцарии тем, что здесь, чтобы полюбоваться прекрасным берегом реки, приходится пробираться через грязную скотскую стойку» [Ядринцев, 1880, с. 51]. Вот пример характерного для областничества контрапункта природы и общества. Цивилизованный человек не мыслится в этой картине, он только сторонний наблюдатель – вот почему Горный Алтай *не может быть вполне назван Швейцарией*.

В финале очерка идиллические ноты пейзажного описания сливаются с высокой патетикой и намечается тема большого блока исследований Н.М. Ядринцева – переселенческий вопрос: «Отовсюду в плодородные долины Алтая спускаются трудолюбивые переселенцы колонисты, стекаясь со всех сторон земли русской и ища здесь приволья после тяжкого малоземелья. Приветливы эти луга, бесконечны пространства, душисты и ароматичны травы. Весело и ярко светит на них Божье солнце, снует трудолюбивая пчела ... желтеет нива на склонах мягких зеленых гор, шахматами красуются эти поля, наливаются пышно колос на девственной почве, дающей огромные урожаи. Да будет благословен новый труд твой, русский пахарь; надо же снять тебе когда-нибудь полную жатву!» [Там же, с. 66].

С финалом «Сибирской Швейцарии» эмоционально корреспондирует начало очерка «Странник на Золотом озере», написанного по впечатлениям второй экспедиции Ядринцева на Алтай (1880 г.), помещенного в самом первом номере газеты «Восточное обозрение» – факт сам по себе значимый. Цель летней поездки в столь экзотические места определена в очерке столичного издания как рекреационная – оказаться «в совершенной пустыне вдали от суеты, от житейских волнений, от горьких житейских драм, измучивших душу. Пора дать отдых нервам!»¹ [Ядринцев, 1882].

Живописные пейзажи черневой тайги, где «начинается пустыня, пред которой еще останавливается русская колонизация», изумляют разнообразием и яркостью, настраивают на встречу с Телецким «чудным волшебным озером», предобраз которого уже сложился у Ядринцева на основе описаний путешественников, испытавших «неимоверное наслаждение неожиданными впечатлениями» [Гельмерсен, 1840]. Мотив неожиданности сопряжен в очерке с мотивом театральности, кажимости, ирреальности происходящего – озеро «было скрыто от нас декорацией гор и темными лесами»².

Озеро он называет заколдованным, пустынным, овеванным мифом и таинственной легендой, не преминув изложить таковую в очень кратком виде: «Когда-то на это пустынное озеро зашел человек, рассказывают инородцы, он был голоден и искал пищи, но людей не было; в руках этого человека был огромный кусок золота, но золото было бесполезно в этой пустыне и он не мог на него купить несколько зерен ячменю. Тогда этот голодный человек, поняв все бессилие металла, доведенный до отчаяния, в бешеной злобе бросил драгоценный кусок в темные воды глубокого озера и проклял его» [Ядринцев, 1882]. Верный своему первому –

¹ Эмоционально эта позиция совпадает и с публикацией «Сибирские виды, сцены и типы. Алтай» (Всемирная иллюстрация, № 461 от 29 окт 1877).

² По нашим наблюдениям, слово *декорация* всякий раз в очерках Ядринцева указывает на наличие точки зрения стороннего наблюдателя, на восприятие чужого пространства – это характерная черта поэтики ядринцевского нарратива.

романтическому – впечатлению от горных пейзажей, Ядринцев комментирует топонимическую легенду (по-алтайски озеро называется Алтын-кель – досл. Золотое озеро): «Мрачные дикие скалы до сих пор негостеприимны для человека. Над ними как будто стоит еще тень несчастного скитальца, подобно брокенскому призраку блуждая в тумане». Известный альпийский образ – гора Брокен (Brosken) служит здесь знаком мифогенного пространства. Комментатор вводит в картину природы диссонирующую ноту – мрачными и дикими оказываются не скалы, населенные призраками и пригодные для шабаша ведьм, а «сбродный люд» маленького миссионерского селения Кебезень – последнего селения по направлению к «Телецкой пустыне».

Впечатляющая природная декорация, производящая «подавляющее ощущение дикой природы», представила путникам бытовую сценку на тему «Бей чужих!» – «около деревни взят был неизвестный, беспаспортный, который сам явился и предъявил о своем существовании. Он объявил сверх того, что у него украден паспорт и деньги. Рассказ его возбудил крайнее недоверие во всех жителях и личность казалась подозрительной» [Ядринцев, 1882].

Не видя возмутителя спокойствия, очеркист-знаток сибирской жизни пытается представить несколько сценариев, приведших этого человека в столь отдаленное место, заранее отдавая симпатии жителям деревни, обвиняемым в воровстве: авантюрист, мелкий спекулянт, искавший наживы среди простодушных дикарей-инородцев, известный в Сибири тип бродяги – но это оказался типичный переселенец, бредущий «искать местов». Описанная сценка – повод для постановки общественно-значимых проблем:

- юридическое положение переселенцев и отношение к ним властей и населения,
- причина неудач освоения русскими богатейшей прителецкой тайги.

Ядринцевский странник на Золотом озере – не стремящийся к конечной точке маршрута исследователь, не праздный отпускник, восстанавливающий здоровье среди девственной природы, «не брокенский призрак Телецкого озера», а переселенец-колонист, «настоящий работник, виноградарь, истый завоеватель, земледелец», который может и должен органично вписаться в картину роскошной и здоровой природы. Он противопоставлен пестрому сброду миссионерского селения четким пониманием цели своего пребывания в этих диких местах – он пришел работать.

В финале очерка звучат надежды сибирского патриота: «В смутных грезах мне виделся уже не убогий мужичонка, но титан, русский народ, пробивающий упорно путь себе через леса и урманы на заколдованное Телецкое озеро. Мать-пустыня! Когда же, когда, ты дашь приют этому труженику!» [Ядринцев, 1882].

Несмотря на упоминание в очерке об инородцах и их исключительной честности, о принадлежности им этой земли, о признании их обычного права (зайсанат), местность постоянно называется Ядринцевым «дикой пустыней». Не исключение и очерк «В дальних странствиях (из путешествия в Алтай)», где инородец присутствует скорее как статист, а не участник действия в мизансценах собственно высокогорья – «совершенно дикой местности», где «ледяные громады служили только прекрасным аксессуаром и декорацией к открывшемуся пейзажу» [Ядринцев, 1893, с. 91].

Противопоставляющий себя язычникам-инородцам очеркист постепенно делается пантеистом; под воздействием внушительности и таинственности гор ему становится понятной система взглядов коренных жителей высокогорья («дика-

рей»). Их мирозерцание Ядринцев иллюстрирует сценой шаманского камлания¹, воспроизводя наиболее яркие моменты шаманской мистерии².

Первая встреча с коренными жителями алтайского высокогорья – теленгитами происходит на реке Тополевке. К палатке подошли инородцы, среди которых был сказитель-кайчи («сказочник»), под аккомпанемент топшура³ он исполнил сказание об Алтайн-Саин-Саламе⁴. Передав его содержание, Ядринцев комментирует: «эта алтайская сказка – целый эпос, целая поэма и целая мифология. Здесь мир, природа, звезды и небо иногда одухотворены жизнью, как и животные. Неправду рассказывают, что дикарь инородец поет только то, что видит, и что он беден представлениями. Нигде древний миф долее не сохраняется, как здесь. Здесь все поддерживает еще общение с природой, за неимением другой жизни, здесь живут целые предания старины ... целые драмы, романы и идиллии первобытного пастушеского народа» [Ядринцев, 1893, с. 95–96]. Подобного рода комментарий свидетельствует о стремлении публициста «вписать» культуру в органический ландшафт⁵.

Поэтическое сказание, поэтическая обстановка порождают торжественно-грустное настроение, придающее высокогорному пейзажу еще большее величие: «На востоке виднелись оставленные Чуйские Альпы, а на юго-западе выступали новые громады, отвесно спускавшиеся к Аргуту, дико шумевшему по ущельям. За этими отвесными скалами видны были новые снежные вершины. Это Котунский (Катунский – *Т.Ш.*) хребет с ледниками, поднимающийся на 12.000 футов. Аргут делает прорыв между горами и несется со страшной быстротой... Среди крутых спусков, на страшной глубине среди скал неслась река с неудержимой силой, пенясь, ворочая камни и оглашая воздух точно раскатами отдаленного грома» [Ядринцев, 1893, с. 98]. Человек подавляется этой природной мощью: «...Люди ползли по тропинкам, как мухи, скромно, осторожно, сознавая там всё своё ничтожество. Только привычные, осторожные и умные горные лошади спасают в этих местах всадника» [Ядринцев, 1893, с. 98]⁶.

Река Аргут являет в этой картине первый план, подавляющий наблюдателя (человек – как муха), но как только он переводит взгляд на дальний план, то ощущает себя цивилизованным европейцем: «Я смотрел на них (дальние снежные горы – *Т.Ш.*) как в Швейцарии смотрят на Монблан, Юнгфрау. Они казались издали белыми пиками, но достаточно было посмотреть на них в подзорную трубу, а еще лучше в телескоп, чтобы понять, что эти пики невероятно громадны, что около них целые долины, ущелья, целые поля, покрытые снегами, нависшие скалы, обвалы, трещины» [Ядринцев, 1893, с. 98–99].

На фоне столь живописной декорации разыгрывается сцена встречи с одиноким теленгитом, начатая в духе Фенимора Купера: «Когда два человека, неиз-

¹ Без шамана не обходилось, пожалуй, ни одно описание путешествий в Горный Алтай и ни одно художественное произведение, повествующее о жизни алтайцев, начиная с П. Палласа [Паллас, 1788, с. 79–82] и до первой трети XX вв.

² Шаманский культ по материалам экспедиции 1880 г. Ядринцев подробно описал в докладе «Об алтайцах и черневых татарах», прочитанном в заседании Отделения этнографии ИРГО 23 марта 1881 г.

³ Алтайский музыкальный инструмент с двумя струнами, свитыми из конского волоса, игрой на котором сопровождалось исполнение горловым пением героических сказаний.

⁴ В очерке передается содержание сказания, текст которого был записан В.В. Радловым в оригинале (396 стихов) и переведен на немецкий, потом на русский язык [Радлов, 1866, с. 10–22]. В.И. Вербицкий прозаически излагает сюжет сказания [Вербицкий, 1893, с. 189–191].

⁵ Подобным образом действовал Потанин-фольклорист, возводя основные европейские литературные сюжеты к Монголии и Китаю.

⁶ Эти детали описания напоминают рисунки и словесные описания высокогорья Е.Е. Мейера, сделанные во время экспедиции П. Чихачева [Мейер, 1843, с. 17–23].

вестных друг другу, в пустыне, где люди иногда выслеживают друг друга с самыми злыми намерениями, понятно, что чувство опасения и недоверия готово перейти при первом намеке в положительно враждебное, неприятельское» [Ядринцев, 1893, с. 100] – встрече предшествовала пропажа лошадей, подозрение пало на визитеров-теленгитов. Увидев приближающегося к нему и что-то кричащего инородца, заблудившийся повествователь достает револьвер, готовясь отбиваться до последнего патрона, но оказывается, ему просто хотели показать брод. «Мне стало стыдно за свой преувеличенный страх, за малодушие, за это геройничание с револьвером в руках перед человеком совершенно мирным и спокойным» [Ядринцев, 1893, с. 102]. Сцена заканчивается выводом в назидательном духе: «Мне стало страшно и больно не только за самого себя, да и вообще за наше отношение к инородцу, за предубеждение против него и неспособность относиться к нему иначе, как к врагу. Ведь, может быть в силу нашего непонимания языка, незнания чужой души, в силу нашего невежества, нашего страха, нашего эгоизма мы не раз стреляли в дружескую грудь, когда инородец, как мой теленгит, не питал к нам никаких враждебных чувств» [Ядринцев, 1893, с. 104]¹.

Публицист Н.М. Ядринцев искал в Горном Алтае ответы на беспокоившие его инородческий и переселенческий вопросы, но окружающая природа невольно сделала его там истинным художником. Ядринцевские описания горных ландшафтов в рассмотренных очерках позволяют добавить в формируемый в последнюю четверть XIX в. «образный фонд» Горного Алтая метафоры «синегорье» и «беловодье», первоначально присутствовавшие как доминирующие цвета в палитре очерков: синее небо, синие горы, белые ледники порождают белые реки.

Собственные научные исследования в районе горы Белухи (на глетчерах у истоков Катуня) позволили Ядринцеву убедиться в закономерности локализации мифа о Беловодье в алтайском высокогорье. Этот миф – отправной для очерка «На обетованных землях». «Там где кончаются бесконечные леса и поднимаются высоко-высоко скалистые горы, где бурно шумят горные реки и потоки, с белой пеной прыгая по камням, где простерлась неведомая никому пустыня, где-то там, за китайской границей, в непроходимых дебрях лежит загадочная земля, называемая “Беловодье”... <...> ...Как-то зашли сюда русские люди и живут привольно» [Ядринцев, 1886, с. 36].

Если в вышерассмотренных очерках Ядринцев трактует пространство Горного Алтая в имагологическом ключе, то миф о заповедном Беловодье перевоплощает «чужое» в «свое»: «Кругом дикая, оригинальная природа, киргизы, китайцы и тут же русская деревня, русский говор, русская песня, русский хоровод» [Ядринцев, 1886, с. 36]. Беловодье – это предел своего (подобно тому, как в русской сказке «темные леса» и «высокие горы» служили лимитаторами «своего»). В Беловодье, по описаниям Ядринцева, темные леса (чернь) заканчиваются, остаются только горы, рождающие чистые реки.

Он осмыслил природу перехода цветообраза *белые воды* в метафору для выражения идеи высоты духа и чистоты помыслов – *Беловодье*, символизирующую переход пространственной горизонтальности в идеологическую вертикаль. Локализация старообрядческих поселений в лиминальном пространстве делает весь Алтай сказочно-богатым местом. Возможно, поэтому в пейзажных зарисовках Ядринцева часто отсутствует четкая линия горизонта («Когда мы любовались этой степью перед закатом солнца, мы видели вдали горы, подергивающиеся как бы легким туманом, как бы голубую дымкою самой нежной вуали, над ними алеет легкая

¹ И куперовские мотивы, и назидание здесь оправданы – журнал «Мир божий» адресован юношеству.

розоватость неба... Трудно передать то обаяние, какое производит эта даль, этот воздух» [Ядринцев, 1886, с. 37]¹.

На всем протяжении пути, вплоть до белков, путешественникам встречались «пионеры-пытовщики», идущие «местов искать». Роскошная природа Алтая затягивала их, обещала впереди всё более и более богатые и красивые места, не позволяла останавливаться: «Чем дальше странники-колонисты достигали этих мест, чем более осваивались они с привольем, тем более, кажись, они становились разборчивыми, “а дальше еще лучше”, – думали они, – “за Чергой, сказывают, хорошо”. Остановиться сразу не хотелось, ибо выбор мест был большой» [Ядринцев, 1886, с. 38–39].

Исследуя стихийную колонизацию Горного Алтая, очеркист оказывается во власти мотивного комплекса Беловодья. Он описывает Алтай как край сказочной красоты и изобилия²: «Горные речки сверкали серебром, направо и налево выступали горы с клубящимися по ним облаками. Местами вырастали причудливые утесы, обвитые зеленью. С одной стороны спускались с гор хвойные леса, гребни гор золотились лучами солнца, луга сверкали цветами, трава была роскошная. Вот выбежал ручей; по берегам его были видны сплошные кустарники жимолости, малины и смородины, усеянные гроздьями ягод; белый жасмин, колокольчики, лилии и желтые розы, все это напоминало бухтарминскую флору³ Сибирской Италии... Это был настоящий лес цветов... Всё было такое праздничное. Никогда, моя родина, я тебя не видал более красивою. Я увидел тебя весенней красавицей, украшенной мальвами, дикими розами, пионами и лилиями; я видел тебя с красотой твоих утопающих вдали гор, с богатством цветущих долин» [Ядринцев, 1886, с. 41]. Пейзажи Алтая породили поэтическое признание в любви к Родине.

Картина весеннего цветения, соответствующая топике рая, вызывает у Ядринцева вопрос: «Здесь ли, кажись, не воспользоваться твоими благами, девственная земля, здесь ли не создать счастья?». Ответом на него служит реалистически описанная «повозчонка» переселенцев⁴. Но этот эпизод и последовавший за ним финальный вопрос очерка допускает и иную интерпретацию. Идея красоты мира божьего – одна из составляющих беловодского мифа – ведет за собой русского крестьянина в горы (между землей и небом находящиеся), влечет невиданными в России пейзажами. «Дойдет переселенец до них, до этих белых вод, окрашенных песком морен, увидит эти водопады, эти неприступные скалы и ущелья, посмотрит на горных орлов. Но это ли желанные белые воды? Постоит он и повернет назад» [Ядринцев, 1886, с. 43].

Идея красоты у Ядринцева соединена с идеей пустыни, возможно, поэтому Ядринцев и заставляет своего переселенца, достигшего подобного места, повернуть назад, к людям? Он обращается к примеру на грани крайности, когда переселенец уже по некоему внутреннему убеждению не может пребывать на одном месте, а заражается идеей «вечного скитания и отыскания чего-то» и превраща-

¹ Ядринцевская знаковая система полностью противоположна тем суровым реалиям, которые – и исключительно их – увидел в сибирском тексте В. Тюпа [Тюпа, 2011, с. 179–189].

² Старожилы Уймонской долины – места компактного проживания старообрядцев в Горном Алтае – кыпчакское слово «уймон» считают производным от русского «уйма» – «в том смысле, что всего в благодатной долине для них было вдоволь, в достатке, и они благодарили Бога, открывшего им эту “пустынь тишайшую”» [Кучуганова, 2008, с. 6].

³ Здесь упоминание о Бухтарме – реке на Алтае, правом притоке Иртыша, косвенно указывает на миф о Беловодье, так как среди бухтарминских каменщиков, селившихся в неприступном высокогорье, было немало старообрядцев, оказавшихся в горах Алтая в поисках земли обетованной.

⁴ Этот эпизод приводится, как правило, в работах советского периода, посвященных областнической доктрине Н.М. Ядринцева [Кондаков, 1979, с. 17].

ется в тот «бродячий элемент», который незадолго до выхода очерков Ядринцева об Алтае был исследован С.В. Максимовым [Максимов, 1877].

Вопрос Ядринцева о крестьянском счастье («Где же таится крестьянское счастье, под каким кустом залегло оно, под каким камнем оно запало, скрылось, притаилось?!..») можно интерпретировать и как риторический шестидесятнический, и как конкретно-исторический (напомним, что поездка на Алтай была связана с изучением колонизационного движения), и как мифопоэтический – «герой получает возможность исполнения своих желаний (иногда ограничено количество) – из-за собственного неразумения / жадности теряет достигнутое и возвращается к прежнему состоянию» [Словарь-указатель, 2006, с. 98]. Таким образом, Горный Алтай воображается в очерках Н.М. Ядринцева, пережившего две незабываемые встречи с ним, и лиминальным пространством, и пространством мифогенным – сказочно богатой и сказочно прекрасной страной, в пределах которой возможны самые неожиданные встречи и культурные смещения. Образный строй этого цикла очерков сделает Горный Алтай местом, привлекающим внимание любителей романтики и отдыха на лоне природы – уже в начале XX века Горный Алтай станет позиционироваться как рекреационное пространство, восхищающее экзотикой горных ландшафтов и экзотичной культурой его коренных жителей¹.

Литература

Анисимов К.В. Климат как «закоснелый сепаратист»: Символические и политические метаморфозы сибирского мороза // Новое литературное обозрение. 2009. № 5.

Бахтин М.М. Эпос и роман. СПб., 2000.

Вербицкий В. Алтайские инородцы: сборник этнографических статей и исследований. М., 1893.

Вербицкий В. Алтайцы. Томск, 1870.

Гельмерсен Г.П. Телецкое озеро и Телеуты Восточного Алтая // Горный журнал. 1840. № 1.

Гребенщиков Г.Д. Избр. произв.: В 2 т. Томск, 2004. Т. 2.

Долгоруков В.А. Путеводитель по всей Сибири и Азиатским владениям России. Томск, 1903–1904.

Кондаков Г.В. Связь времен. Горно-Алтайск, 1979.

Кучуганова Р.П. Мудрость уймонских старцев. Новосибирск, 2008.

Лемке М.. Николай Михайлович Ядринцев: биографический очерк. СПб., 1904.

Максимов С.В. Бродячая Русь. Христа ради. СПб., 1877.

Мейер Е.Е. Поездка по Алтаю // Отечественные записки. 1843. № 11.

Паллас П. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1788. Т. 4.

Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1987. Т. 1.

Письма Н.М. Ядринцева к Г.Н. Потанину. Красноярск, 1918. Вып. 1.

Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в южной Сибири и Дзунгарской степи. СПб., 1866. Ч. 1: Поднаречия Алтая: алтайцев, телеутов, черневых и лебединских татар, шорцев и саянцев.

Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы: Экспериментальное издание / Отв. ред. Е.К. Ромодановская; ред. М.А. Бологова, Е.К. Никанорова, Е.Н. Проскурина. Новосибирск, 2006. Вып. 1.

¹ Например, во введении к «Путеводителю по всей Сибири» В.А. Долгоруков подробно описал все пути по Горному Алтаю и его популярные на тот момент водо- и кумысолечебные места [Долгоруков, 1903–1904].

Тюпа В.И. Анализ художественного текста в системе литературоведческого знания // Актуальные проблемы изучения и преподавания русской литературы: взгляд из России – взгляд из зарубежья. СПб., 2011.

Хомяков А.С. Стихотворения. М., 1868.

Хроника жизни и творчества Н.М. Ядринцева // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1980. Т. 4.

Шиловский М.В. Судьбы, связанные с Сибирью: Биографические очерки. Новосибирск, 2007.

Ядринцев Н.М. Сибирская Швейцария (Из путевых заметок об Алтае) // Русское богатство. 1880. № 8.

Ядринцев Н.М. Странник на Золотом озере // Восточное обозрение. 1882. № 1.

Ядринцев Н.М. На обетованных землях (из путешествия по Алтаю) // Сибирский сборник. СПб., 1886. Кн. 2.

Ядринцев Н.М. В дальних странствиях (из путешествия в Алтай) // Мир божий. 1893. № 1.